

*Мишель
Анри*

РАЗВОД

Цена доверия

Мишель Анри

Развод. Цена доверия

<https://litres.ru/74360758>

Аннотация

Она думала, что самое страшное в её жизни уже позади.

Марина — художница, жена и мать. Но для родителей мужа она всегда была лишь «простушкой», недостойной их сына. Когда свёкор подбрасывает поддельный тест ДНК, а муж без раздумий выгоняет её с пятилетней дочерью на улицу, её мир рушится в один час. Городок, где у семьи Пановых власть и влияние, мгновенно объявляет Марину гулящей и лгуньей. У неё нет денег, нет жилья, нет надежды. Есть только маленькая Вероника, которую в детском саду обзывают «ублюдком».

Судьба даёт шанс именно тогда, когда падать уже некуда. Марина начинает новую жизнь.

Но прошлое не отпускает. Когда Даниил узнаёт правду о поддельном тесте, он бросает всё, чтобы вернуть семью.

Сможет ли он простить себя? И простит ли она его?

Содержание

ГЛАВА 1. ВЗРЫВ	4
ГЛАВА 2. А ВЕДЬ ТОЛЬКО СЕГОДНЯ УТРОМ	13
Глава 3 Бабушка Оля	20
ГЛАВА 4. МУЖЧИНА В КОСТЮМЕ	25
Глава 5 БУМАГА НЕ ВРЕТ	31
ГЛАВА 6. ТЁТЯ КЛАВА	38
ГЛАВА 7. Временное пристанище	44
ГЛАВА 8. ЗВОНОК	50
Глава 9 Картины	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

ГЛАВА 1. ВЗРЫВ

Я никогда не верила в предчувствия.

Ну, то есть как не верила?! Конечно, бывало такое, что засосет под ложечкой, а через час новость плохая или хорошая, всякое случалось. Но чтобы вот так, чтобы сердце из груди выпрыгивало за минуту до того, как жизнь разделится на «до» и «после»? Нет.

В тот вечер всё было обыкновенно.

Даже слишком обыкновенно, будто кто-то нарочно раскатал передо мной идеально ровную дорожку, чтобы потом вдруг раз! и скинуть в пропасть.

Вероника сидела за кухонным столом, свесив ноги с высокого стула, и старательно вырисовывала фломастерами очередной шедевр. Я уже знала эту манеру: сначала язык высывается от усердия, потом кончик носа пачкается в синем, а в конце следует торжественное: «Мама, смотри! Это мы гуляем с папой!»

Сегодня мы с папой гуляли особенно красиво, судя по рисунку, у папы выросли оранжевые волосы и третья рука, но я благоразумно промолчала.

— Никусь, убери фломастеры, сейчас ужинать будем, — я толкла картофельное пюре, поглядывая на часы.

Даня задерживался. В последнее время это случалось часто, работа, встречи, переговоры. Свекровь, Ольга Иванов-

на, при каждой встрече многозначительно роняла: «Бизнесмену нужна опора, а не вечно пахнущая красками жена». Я за восемь лет научилась не слышать.

За окном смеркалось. Наш маленький городок зажигал редкие фонари, за ними угадывались силуэты соседних домов, таких же тихих, таких же сонных. Город, где все всех знают, где семья Пановых местная аристократия, где я навсегда останусь «той самой простушкой, что охмурила Данечку».

Пюре получилось воздушным. Котлеты шкворчали на сковородке. Ника напевала песенку из мультика, и в этом было столько спокойствия, столько уюта, что я на секунду зажмурилась от счастья.

Думала вот оно, моё, моя семья, мой дом.

Шаги в коридоре я слышала сразу, тяжёлые, быстрые, не как обычно. Даня никогда не ходил так

— Папа! — Ника соскочила со стула и побежала к двери.

Я выключила плиту, вытирая руки о фартук, и улыбнулась. Сейчас он войдёт, подхватит дочку на руки, закружит по кухне, а потом поцелует меня в щеку и скажет, что устал как собака.

Дверь распахнулась.

Даня вошёл, даже не взглянув на тянущую к нему руки Нику. Лицо серое, чужое, глаза пустые, стеклянные.

— Дань? — я шагнула к нему. — Ты чего? Что случилось? Он молчал. Смотрел сквозь меня. Потом медленно, очень

медленно вытащил из внутреннего кармана пиджака сложенный вчетверо конверт и бросил его на стол.

Конверт упал прямо в Никин рисунок, размазав оранжевого папу.

— Что это? — голос дрогнул. Я уже знала, чувствовала нутром, каждой клеткой — это что-то непоправимое.

— Прочитай, — Даня сказал это так тихо, что я едва слышала.

Ника замерла у его ног, растерянно переводя взгляд с отца на меня. Она ещё не понимала, но уже чувствовала, дети всегда чувствуют.

Я развернула бумагу. Официальный бланк. Печать. Ряд цифр, значений, процентов. Мой мозг отказывался складывать их в слова. Я перечитывала одну строчку раз за разом, но смысл ускользал, рассыпался, как ртуть.

«Исключение отцовства — 98,9%».

— Я... я не понимаю, — подняла я глаза на Даню. — Что это?

— Это тест ДНК, Марина. — Он выплюнул моё имя, как ругательство. — Нашего с Никой тест.

Тишина. Такая густая, что уши закладывает.

— Какой тест? — прошептала я. — Зачем? Даня, зачем ты...

— Зачем? — Он вдруг закричал. Закричал так, что Ника вздрогнула и заплакала. — Зачем я хочу знать, чей ребёнок растёт в моём доме?! Зачем я хочу понять, почему ты ни-

щая, безродная художница вышла за меня, а? Думала,строишься потеплее?

— Даня, прекрати! — я кинулась к нему, схватила за руку.
— При ребёнке! Ты что?

Он отдёргнулся, будто я была прокажённой. Будто мои прикосновения жгли.

— Не смей трогать меня, — процедил сквозь зубы. — Ты... ты восемь лет врала мне в лицо, что любишь. Пять лет я растил чужого выблядка!

Ника зашлась в плаче. Она стояла посреди кухни, маленькая, незащитная, и её плечики тряслись от рыданий. А я смотрела на мужа и не узнавала его. Где тот Даня, который клялся мне в любви под проливным дождём? Где тот, кто сказал родителям: «Она будет моей женой, нравится вам или нет»?

— Ника не чужой выблядок, — я старалась говорить ровно, хотя внутри всё разрывалось на части. — Она твоя дочь. Твоя! Я никогда, слышишь, никогда ни с кем...

— Заткнись! — Он ударил кулаком по столу так, что подпрыгнули тарелки. — Не надо мне тут про верность! У меня на руках доказательства, а ты... ты просто хочешь прикрыть свою гнилую натуру.

Я попятилась, наткнулась спиной на холодильник. Холодный металл впился в поясницу, привёл в чувство.

— Кто тебе дал этот тест? — спросила я вдруг. — Ты сам... сам пошёл и сделал?

На секунду в его глазах мелькнуло что-то похожее на растерянность. Но только на секунду.

— Отец дал, — отрезал Даня. — Он позаботился о том, чтобы я наконец прозрел в отличие от меня, дурака.

Андрей Сергеевич. Свёкор. Человек, который восемь лет назад совал мне деньги, чтобы я оставила его сына в покое. Который при каждой встрече смотрел сквозь меня. Который хотел видеть рядом с Даней Риту, дочку своих друзей, «подходящую партию».

— Он мог подделать, — выдохнула я. — Даня, подумай! Он всегда меня ненавидел, он...

— Да заткнись ты! — рявкнул он так, что я вжала голову в плечи. — Ты сейчас будешь на моего отца стрелки переводить?! Он всю жизнь для меня все делал, а ты... ты просто тварь, которая влезла в нашу семью!

Ника закричала в голос. Громко, отчаянно, как кричат дети. Она не понимала, что происходит, но крики родителей ее пугали. Я рванула к ней, прижала к себе, заслонила собой.

— Не смей кричать на дочь, — сказала я тихо, но так, что он замер. — Не смей.

— Она не моя дочь, — отрезал Даня, но голос чуть дрогнул.

Я смотрела на него сквозь пелену слёз и не верила, что это происходит. Час назад я готовила ужин и мечтала о выходных, а сейчас стою посреди кухни, прижимая к себе рыдающую Нику, а мой муж смотрит на меня как на врага.

— Даня, пожалуйста, — я шагнула к нему, протягивая свободную руку. — Давай поговорим спокойно. Ты меня знаешь восемь лет. Неужели ты думаешь, что я способна...

Он перехватил мою руку на полпути, сжал до боли и отшвырнул.

— Я думаю только о том, — прошипел он, приблизив лицо к моему, — что ты лживая дрянь. Что ты восемь лет пользовалась мной. Что ты родила от кого-то и подсунула мне. И что завтра же я подаю на развод.

Слова падали на меня, как камни.

— А сейчас, — он выпрямился, — чтобы духу вашего здесь не было. Собирайте вещи и убирайтесь.

— Даня... — прошептала я. — Куда? На улицу? С ребёнком? Ночью?

— Мне плевать, — отрезал он. — Вокзал, родственники, скамейка в парке мне всё равно. Чтобы к утру я вас не видел.

Ника прижималась ко мне, зарываясь лицом в мой свитер, и её маленькое тельце сотрясала дрожь. Я гладила её по голове, и во мне что-то медленно, но верно умирало.

Любовь? Надежда? Иллюзия, что мы семья?

— Ты пожалеешь, — сказала я тихо. — Когда-нибудь ты очень пожалеешь об этом.

Даня зло усмехнулся.

— Это ты уже пожалела, когда раздвигала ноги перед кем-то другим.

Я зажмурилась, эту выпад я почувствовала физически,

хотя он не бил. Это было хуже любой пощёчины.

— Мамочка, — всхлипнула Ника.

Я открыла глаза, посмотрела на дочь, на её белые, как у меня, волосы, на её испуганные синие глаза.

— Все хорошо, малыш, — соврала я. — Просто... просто мы немного переедем. Хорошо?

Ника шмыгнула носом и кивнула. Она привыкла мне верить.

Я подняла глаза на Даню. Он стоял, скрестив руки на груди, и ждал. Ждал, когда мы уйдём.

— Можно хотя бы переночевать? В детской? — спросила я без надежды.

— Нет.

— Собрать вещи?

— Вещи заберёте завтра, когда меня не будет. Соседям позвоню, чтобы проследили, — он кивнул в сторону двери. — А сейчас вон.

Я медленно отстранила от себя Нику, взяла её за руку. Подошла к вешалке, сняла наши куртки. Одеда сначала дочку, потом себя. Дрожащими руками застегнула молнию.

Потом подошла к столу, взяла свой старенький рюкзак. Туда полетели документы, кошелёк, паспорт, телефон и , на автомате , папка с эскизами, которые я собиралась отправить в галерею. Ту самую, в областном центре. Ответа я ещё не получила, но папку берегла.

— Это что? — Даня кивнул на папку.

— Моё, — ответила я коротко.

Он хмыкнул, но промолчал.

В коридор вышли молча. Ника цеплялась за мою руку, не глядя на отца. У двери я обернулась.

— Прощай, Даня.

Он стоял, вжав голову в плечи, и смотрел в пол.

Я открыла дверь, в лицо ударил холодный октябрьский воздух. За порогом было темно, пусто и сыро. Фонарь у подъезда мигал, выхватывая из темноты лужи и облетевшие листья.

Мы вышли. Дверь за нами захлопнулась, я слышала, как Даня захлопнул её изнутри.

Щелчок замка прозвучал как выстрел.

— Мама, — спросила Ника, когда мы спускались по лестнице, — а папа нас любит?

Я остановилась. Присела перед ней на корточки, взяла её холодные ладошки в свои.

— Не знаю, доченька, — честно ответила я. — Но мы друг друга любим это главное. Правда?

Ника кивнула и уткнулась носом мне в плечо.

А я смотрела в темноту за дверью подъезда и думала: куда? У меня есть только дальняя мамина сестра. Как туда добраться? На что жить?

И главное, как объяснить пятилетнему ребёнку, почему её папа только что вышвырнул нас на улицу?

Слёзы наконец хлынули. Горькие, солёные, обжигающие.

Я плакала беззвучно, чтобы не напугать Нику, и слёзы капали на её светлые волосы, а она гладила меня по щеке и шептала:

— Не плачь, мамочка. Мы справимся. Мы же вместе.
Мы справимся.

Я подхватила её на руки, вышла в ночь и закрыла за собой тяжёлую дверь подъезда.

ГЛАВА 2. А ВЕДЬ ТОЛЬКО СЕГОДНЯ УТРОМ

“А ведь только сегодня утром я была счастлива.”

Эта мысль билась в голове, пока я брела с Никой на руках по тёмным улицам городка. Холодный ветер бросал в лицо пригоршни мелкого дождя, фонари раскачивались над головой, тени плясали на мокром асфальте безумный танец.

Сегодня утром.

Я проснулась оттого, что Даня поцеловал меня в висок.

— Спи, — шепнул он, хотя я уже открыла глаза. — Рано ещё.

— Который час? — сонно пробормотала я, ловя его руку и прижимаясь щекой к тёплой ладони.

— Полседьмого. У меня встречи с утра.

Даня уже был одет в костюм, при галстуке, пахло от него дорогим парфюмом и свежестью. Другой человек. Человек из другого мира, где правят цифры, сделки и отцовское одобрение.

— А поцеловать? — я улыбнулась, протягивая к нему руки.

Он наклонился, быстро, по-деловому чмокнул меня в губы, совсем не так, как когда-то, но я не придавала значения, мало ли — спешка, работа. Восемь лет брака, привыкли.

— Люблю , — сказала я.

— Ага.

Дверь хлопнула. Я полежала ещё минуту, глядя в потолок, и улыбнулась своим мыслям.

Сегодня должен прийти ответ из галереи.

Я отправила туда фотографии своих работ месяц назад. Тайком, никому не сказала ни Дане, ни тем более свекрови. Знала, что они скажут. Даня: «Марин, ну зачем тебе это? У тебя же семья, ребёнок». Ольга Ивановна: «Опять дурию маешься, вместо того чтобы домом заниматься».

Поэтому я молчала.

Но внутри меня жила потребность рисовать. Жила и требовала выхода. Я рисовала, когда Ника засыпала, когда Даня задерживался на работе, когда город за окном погружался в темноту. Я рисовала и чувствовала, что дышу.

А вдруг? Вдруг там, в большом городе, кто-то посмотрит иначе? Вдруг мои «мазни» кому-то нужны?

Я встала, накинула халат и, стараясь не шуметь, прошлёпала босыми ногами в свою мастерскую.

Так мы называли маленькую комнату в конце коридора. Когда-то там была кладовка, но Даня разрешил мне её забрать. «Рисуй, если тебе так надо», — сказал он тогда, и я была счастлива. Своё пространство, свой угол.

Там стоял мольберт, стеллаж с красками, старенькое кресло, на котором я любила сидеть и смотреть на свои работы. И там, на подоконнике, рядом с ящиком с кистями, лежал

недописанный этюд — портрет спящей Вероники.

Я подошла к нему, взяла в руки. Ника спала накануне, раскинув светлые волосы по подушке, и была такой беззащитной, такой чистой, что я не могла не взять кисть.

— Ты моё солнышко, — шепнула я, проводя пальцем по краске.

Нужно было дописать сегодня. Если придёт отказ, хоть это меня согреет.

Я работала около часа. Краски ложились легко, кисть слушалась, и я даже напевала что-то себе под нос. Солнце поднималось за окном, золотило верхушки деревьев, и мир казался добрым и возможным.

— Ма-а-ам! — раздалось из детской. — Ты где?

— Иду, солнышко!

Я убрала кисти, накрыла этюд тряпицей и пошла на зов дочери.

Ника сидела в кровати, растрёпанная, сонная, но уже улыбающаяся.

— Мне снилось, что мы летали на большом ките, — сообщила она, потягиваясь. — Кит был синий, а на спине у него домик. И мы там жили!

— Здорово, — я присела на край кровати, обняла её. — А я сегодня папу рисовать буду, большого и сильного.

— Папу? — Ника нахмурилась. — А почему папу?

— Потому что он у нас самый лучший, — сказала я автоматически.

В тот момент я так и думала.

Завтрак пролетел быстро. Каша, бутерброды, вечные Никины «почему».

— Мам, почему небо голубое?

— Потому что...

— Мам, почему траву косят?

— Чтобы красиво было...

— Мам, а бабушка Оля придёт сегодня?

Я замерла с чайником в руке.

— Не знаю, малыш. А что?

— Не хочу, чтобы она приходила, — надула губки Ника.

— Она на тебя всегда ругается. И на меня странно смотрит.

— Никусь, это бабушка. Бабушек надо любить.

— За что? — совершенно серьёзно спросил ребёнок.

Я не нашлась, что ответить.

В дверь позвонили ровно в десять. Я ещё убирала посуду после завтрака, Ника смотрела мультики в гостиной. Звонок был настойчивый, длинный, будто кто-то давил на кнопку и не отпускал.

— Иду, иду!

Я открыла дверь и увидела Ольгу Ивановну.

Свекровь стояла на пороге, как всегда подтянутая, холёная, с идеальной укладкой и в пальто, которое стоило как мои краски на полгода вперёд. Она окинула меня взглядом с головы до ног, я была в халате, с собранными волосами в хвост и без макияжа, и брезгливо поджала губы.

— Ещё не одета? — спросила она, входя без приглашения и сбрасывая пальто мне в руки. — Данечка на работе с семи утра, а ты всё прохлаждаешься.

— Доброе утро, Ольга Ивановна, — сказала я, вешая пальто. — Проходите. Ника поела.

— Надеюсь, не чем попало? — свекровь прошествовала в гостиную, цокая каблуками по паркету. — Эти ваши полуфабрикаты... Ребёнку нужны нормальные продукты, а не химия.

Я промолчала, спорить бесполезно.

Ника при виде бабушки подобралась, перестала улыбаться и вжалась в диван.

— Здравствуй, Вероника, — холодно сказала Ольга Ивановна. — Что смотришь?

— «Смешариков», — тихо ответила девочка.

— Лучше бы книжку почитала. В пять лет уже пора буквы знать, а не на мультиках виснуть.

— Она знает буквы, — не выдержала я. — Мы занимаемся каждый вечер.

Ольга Ивановна обернулась ко мне, окинула ещё одним уничтожающим взглядом.

— Занимаетесь? Ты? — усмехнулась она. — Чем ты можешь заниматься, интересно? Кроме своих мазней.

— Бабушка, не ругай маму! — вдруг выкрикнула Ника. — Мама красиво рисует!

Я замерла. Ольга Ивановна медленно повернулась к внучке.

— А ты не встревай, когда взрослые разговаривают, — отчеканила она. — Иди в свою комнату.

Ника смотрела на неё испуганно, но с места не двигалась.

— Никусь, иди, — мягко сказала я. — Я сейчас приду.

Девочка нехотя слезла с дивана и вышла, но в дверях обернулась и показала бабушке язык. Я сделала вид, что не заметила. Ольга Ивановна, кажется, тоже.

— Нервы у неё ни к чёрту, — заметила свекровь, когда Ника скрылась. — Вся в тебя. Истеричка будет.

— Она не истеричка, — тихо сказала я. — Она просто ребёнок, который защищает маму.

Ольга Ивановна фыркнула и направилась на кухню. Я пошла за ней, чувствуя, как привычная тяжесть разливается по телу. Каждый визит свекрови был как пытка. Каждый раз я выходила из этих разговоров выжатая, как лимон.

На кухне она принялась инспектировать. Открыла холодильник — брезгливо поморщилась. Провела пальцем по подоконнику — посмотрела на палец, будто ожидала увидеть там грязь.

— Беспорядок у тебя, — заключила она. — Вечно всё раз-

бросано.

Я оглядела кухню. На столе лежала Никина раскраска и фломастеры, на сушилке пара тарелок. Всё.

— Ольга Ивановна, у нас убрано, — сказала я. — Честное слово.

— Ну да, ну да, — протянула она. — Ты же у нас художница, тебе не до быта. Даня мне рассказывал, что ты по ночам рисуешь. Спать нормально не можешь?

— Я рисую, когда вдохновение, — ответила я, сжимая кулаки. — Даня не против.

— Даня у тебя добрый, — отрезала свекровь. — Слишком добрый. Я ему всегда говорила: выбери девушку из приличной семьи, как Рита. А он — вот, выбрал.

— Ольга Ивановна, — я старалась говорить ровно, — мы восемь лет женаты. У нас ребёнок. Может, хватит?

Свекровь посмотрела на меня долгим, тяжёлым взглядом.

Глава 3 Бабушка Оля

— Хватит будет тогда, когда я пойму, что мой сын счастлив, — сказала она. — А пока я вижу, что он тащит на себе семью, а ты только и делаешь, что мажешь красками и трапишь его деньги.

— Я трачу свои деньги, — возразила я. — Я работаю.

— Работаете? — Ольга Ивановна рассмеялась. — Тем, что продала три картины знакомым за копейки? Это ты называешь работой? Вот Рита в банке, у неё карьера, у неё перспективы. А ты... — она махнула рукой. — Ладно, где Вероника? Я хочу с ней поговорить.

— Она в своей комнате, — сказала я, чувствуя, как внутри закипает злость. — Но прошу вас, не давите на неё. Она маленькая.

— Я без тебя знаю, как общаться с внучкой, — отрезала Ольга Ивановна и вышла из кухни.

Я осталась стоять у окна, сжимая в руках тряпку для пыли. Слезы душили, но я не позволяла им пролиться. Не при ней.

Минут через пять я услышала из детской Никин голос:

— Неправда! Моя мама самая хорошая!

Я выскочила в коридор и влетела в комнату дочери.

Ника стояла посреди комнаты, сжав кулачки, и смотрела на бабушку испепеляющим взглядом. Ольга Ивановна стояла над ней, и в глазах у неё было что-то... странное. Холодное.

— Что случилось? — спросила я, подходя к Нике и заслоняя её собой.

— Да ничего, — усмехнулась свекровь. — Спросила у девочки, почему она на папу не похожа. Интересно же.

— Что? — я почувствовала, как кровь отливает от лица. — Вы... вы не смеете...

— Я не смею? — Ольга Ивановна вскинула бровь. — Милая моя, я бабушка этого ребёнка. Я имею право знать, почему Вероника — вылитая ты, а в нашу семью — ни капли. Даже цвет волос твой, белобрысый. У Пановых все тёмные.

— Это генетика, — выдавила я. — Светлые волосы — рецессивный признак, могло передаться через поколение. Бабушка Дани тоже была светлая.

— Ой, не надо мне тут про бабушек, — отмахнулась свекровь. — Я своими глазами вижу. Девочка — копия ты. А на моего сына — ноль.

Ника вдруг разревелась. Громко, взхлёб, утыкаясь лицом мне в живот.

— Мамочка, почему бабушка так говорит? Я не нравлюсь папе?

— Нравишься, — я присела, обняла её. — Очень нравишься. Папа тебя любит.

— А почему тогда она говорит, что я не похожа?

Я подняла глаза на свекровь. В них было столько ненависти, что я сама испугалась.

— Вам лучше уйти, — сказала я тихо. — Прямо сейчас.

Ольга Ивановна хмыкнула, поправила причёску.

— И уйду. Но запомни, Марина, я за своим сыном слежу. И если что-то узнаю... — она многозначительно замолчала.

— Узнаете что? — я встала, всё ещё прижимая к себе Нику. — Что я верная жена и хорошая мать? Это вы и так знаете, просто признавать не хотите.

Свекровь посмотрела на меня с презрением, развернулась и вышла через минуту хлопнув дверь.

Я стояла посреди комнаты, гладила Нику по голове и чувствовала, как дрожат руки. Маленькая провинция, где у Пановых власть. Где они могут говорить что угодно про кого угодно. И где мне никогда не стать своей.

— Мам, — всхлипнула Ника, — а почему бабушка меня не любит?

— Она любит, — соврала я. — Просто... по-своему.

— А папа нас любит?

— Конечно, — я поцеловала её в макушку. — Очень любит.

Днем, когда Ника уснула, я зашла в мастерскую. Этуд с её портретом стоял на мольберте, почти готовый. Я долго смотрела на него, потом взяла телефон.

Одно непрочитанное сообщение.

От Павла, галериста.

«Марина, здравствуйте! Ваши работы произвели впечатление. Есть разговор, наберите меня завтра с утра, если удоб-

но».

Я зажала рот ладонью, чтобы не закричать от радости. Популилось! Заметили! Впечатлились!

Я прыгала по мастерской, как девчонка, и шептала в пустоту: «Спасибо, спасибо, спасибо».

Это было...

А сейчас же я брела по ночному городу с ребёнком на руках, Ника засыпала у меня на плече, уставшая от слёз.

Тётя Клава. Дальняя родственница, про которую мама когда-то говорила: «Если что, обращайся, она не откажет». Я никогда не думала, что это «если что» наступит. Но оно наступило. Вонзилось в жизнь, как нож.

Я огляделась. Тетя Клава должна жить где-то тут. Я вспоминала, как была однажды у нее еще с мамой.

Я достала телефон. Связь ловила еле-еле, но номер нашёлся.

— Клавдия Степановна? — спросила я, когда на том конце ответил сонный голос. — Это Марина, дочка Анны Петровны. Простите, что поздно, но мне очень нужна помощь...

— Мариночка? — голос тёти Клавы удивительно быстро стал бодрым. — Что случилось, деточка?

Я открыла рот и... не смогла сказать ни слова.

Слёзы душили. Ком стоял в горле. Я стояла посреди пустой улицы, под раскачивающимся фонарём, и беззвучно плакала в трубку.

— Ты где? — строго спросила тётя Клава. — Диктуй адрес. Я за тобой выйду, я тут недалеко живу, на окраине. Диктуй, кому говорю!

Я назвала улицу, и связь прервалась.

Минут через пятнадцать я увидела её. Невысокую полную женщину в старой дублёнке и сапогах на босу ногу, с фонариком в руке.

— Господи, Мариночка, — всплеснула она руками, увидев меня с ребёнком. — Да на кой же ты так вырядилась? Замёрзла вся! А это кто? Внучка Анечки?

— Ника, — прошептала я. — Дочка моя. Спит.

— А ну давай её сюда, — тётя Клава ловко подхватила спящую Нику на руки, будто всю жизнь только и делала, что носила детей. — Пошли, пошли, не стой на ветру. Ноги-то идут?

— Идут, — соврала я.

Ноги не шли, они были ватными, но я пошла.

Потому что надо было идти.

Потому что, кроме меня, у Ники никого не было.

Потому что, кроме неё, у меня тоже никого не было.

И это, наверное, единственное, что держало меня сейчас на ногах.

ГЛАВА 4. МУЖЧИНА В КОСТЮМЕ

Даня.

То же утро.

Утром я проснулся с чувством, что всё идеально..

Странное, надо сказать, ощущение для человека, который последние полгода только и делал, что гасил конфликты между женой и матерью, улаживал вопросы на работе и пытался не сдохнуть от усталости. Но в то утро, мне казалось, что мир стоит на своих местах.

Я лежал в кровати, смотрел, как Марина спит, поджав колени, по-детски подложив ладошку под щёку, и думал: «Хорошо».

Волосы у неё разметались по подушке светлыми прядями, ресницы чуть вздрагивали во сне. Красивая. Даже без косметики, даже уставшая после ночных рисований красивая. Я потянулся поцеловать её в висок и почувствовал знакомый запах краски, чуть-чуть скипидара и что-то такое тёплое, домашнее, только её.

— Спи, — шепнул я, когда она заворочалась. — Рано ещё.

— Который час? — сонно спросила она, ловя мою руку и прижимаясь щекой к ладони.

Её кожа была тёплой и мягкой. Я задержался на секунду, позволяя себе эту слабость, потом убрал руку.

— Полседьмого. У меня встречи с утра.

Я встал, стараясь не шуметь, прошёл в ванную. Горячая вода привела в чувство, смыла остатки сна. Из зеркала на меня смотрел мужчина в самом расцвете сил – тридцать три, своё дело, хорошая машина, квартира в центре. Есть жена, есть дочка. Всё как у людей.

Даже лучше, чем у людей. У людей, бывает, жёны пилят, требуют, устраивают скандалы, а Марина тихая, покладистая. Никогда не возражает, не спорит, даже когда мать её откровенно гнобит. Терпит. Молчит. Я иногда думал может, ей всё равно? Может, она вообще ничего не чувствует?

Но потом видел, как она смотрит на Нику, и понимал, чувствует. Просто умеет молчать.

Умение, которому мне самому не мешало бы научиться.

Я оделся, налил себе кофе в офисную кружку, которую Марина когда-то подарила, с глупым рисунком кота в галстук. Кружка была старая, облупившаяся, но я почему-то не мог её выкинуть. Пил только из неё.

Перед уходом заглянул в спальню. Марина уже не спала, смотрела на меня сонными глазами и улыбалась.

— А поцеловать? — протянула она руки.

Я наклонился, чмокнул её в губы быстро, по-деловому.

Я вышел в коридор, натянул пальто, проверил ключи. Из детской доносилось сопение — Ника ещё спала. Я заглянул

туда на секунду, посмотрел на дочку. Белые волосы разметались по подушке, точь-в-точь как у Марины. Личико во сне беззаботное, румяное.

Мелькнула мысль: «А мать права — не похожа она на меня ни капли». Но я тут же отогнал её. Глупости. Бывает, дети в мать идут. Вон у Петрова сын вылитая тёща, и ничего, живут.

Дверь захлопнулась, отсекая домашний мир от остальной жизни.

В офисе было привычно суетливо. Секретарша Леночка подала кофе, бухгалтер заглянул с отчётом, менеджеры дёргали по текучке. Я погрузился в работу с головой и вынырнул только к обеду, когда в кабинет без стука вошёл отец.

Андрей Сергеевич Панов в свои шестьдесят пять выглядел лет на пятьдесят. Подтянутый, гладко выбритый, с дорогими часами на запястье и цепким взглядом, от которого у подчинённых поджимались хвосты. Он отошёл от дел официально, но в офисе появлялся регулярно «проконтролировать», как он говорил, на самом деле покомандовать.

— Работаете? — спросил он, усаживаясь в кресло напротив и закидывая ногу на ногу. — Молодец.

— Здравствуй, пап, — я отложил документы. — Какими судьбами?

— Проезжал мимо, решил заглянуть, — отец окинул взглядом кабинет. — Порядок у тебя. Документы разложе-

ны, папки по полочкам. Хорошо.

Я ждал продолжения. Отец никогда не хвалил просто так. За похвалой всегда следовало «но».

— Сделку вчера провёл? — спросил он. — С лесопилкой?

— Да. Подписали договор. Выгодные условия, я продумал всё до мелочей.

— Хорошо работаешь, молодец, — повторил отец. Помолчал и добавил: — А дома порядок?

Я внутренне напрягся.

— В каком смысле?

— В прямом, — отец смотрел на меня в упор. — Жена твоя как? Дом ведёт? Ребёнком занимается? Или всё так же красками мажет?

— Мама жалуется? — спросил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Мать переживает, — поправил отец. — Она тебе добра желает. Мы оба желаем. А ты, сын, совсем распустил свою... художницу.

— Марина моя жена, — сказал я жёстко. — И я не позволю...

— Да что ты не позволишь? — перебил отец. — Я тебе правду говорю, а ты в позу встаёшь. Ты посмотри на Риту. Как выглядит, как держится. В банке работает, начальница отдела, при этом всегда причёсана, одета с иголочки. А твоя? В халате вечно ходит, волосы немытые, краска под ногтями. Стыдно показать.

— Марина — художница, — повторил я, чувствуя, как закипаю. — У неё творческая профессия. Она не обязана...

— Творческая профессия? — отец усмехнулся. — Ты сам-то слышишь, что говоришь? Творческая профессия — это когда деньги приносит. А твоя жена сколько заработала за последний год? Тысяч пятьдесят? Сто? На краску себе, небось, и то не хватает. Сидит на твоей шее, ребёнка толком не воспитывает, потому что вечно с этими своими мазнями...

— Нику она воспитывает хорошо, — перебил я. — Лучше многих.

— Лучше? — отец прищурился. — Вот еще не пойму почему Вероника на тебя не похожа? Мать вон места себе не находит, всё гадает: а может, не твоя?

У меня внутри что-то оборвалось и упало.

— Что ты несёшь? — спросил я тихо. — Какое не моя?

— А ты сам посмотри, — отец пожал плечами. — Волосы белые, глаза голубые. В нашей семье все тёмные. И характер — вся в мать, тихоня. Ты в её возрасте хулиган был, помнишь? А эта — мышь мышью.

— Она ребёнок, — выдавил я. — Ей пять лет. И она похожа на меня... немного.

— Немного, — согласился отец. — В самую малость. А могла бы и побольше, если бы... Ну да ладно. Не бери в голову. Мать просто переживает, у неё сердце болит.

Он встал, поправил пиджак.

— Вечером заезжай к нам. Перетрём один разговор. Важ-

ный.

— Какой разговор? — спросил я, всё ещё не пришедший в себя после его слов о Нике.

— Приедешь — узнаешь. Часов в шесть. Мать пирог испечёт.

Отец вышел, не прощаясь, а я остался сидеть, глядя в одну точку.

Глава 5 БУМАГА НЕ ВРЕТ

Слова въедались в мозг, как ржавчина. «Не похожа». «Могла бы и побольше». «Не твоя?».

Я тряхнул головой, отгоняя дурные мысли. Чушь. Марина не такая. Она меня любит, я знаю. Она бы не смогла... не посмела бы...

Но где-то глубоко, на самом дне души, заскреблась маленькая, гаденькая мысль: «А вдруг?»

Ведь она пришла в мою жизнь из ниоткуда. Простушка, без рода, без племени, без денег. Познакомились на выставке, она там свои картины выставяляла, смешные, яркие, никому не нужные. Я купил одну, потом вторую, потом пригласил в кафе. А дальше как закрутилось.

Мать кричала: «Она охотница! Ей деньги твои нужны!» Отец поддакивал. А я не верил. Я влюблён был, как мальчишка.

А может, они были правы?

Я вспомнил, как Марина обрадовалась, когда я выделил ей комнату под мастерскую. Как она сияла, обустривая этот закуток. Как проводила там ночи напролёт, а я злился, что она не идёт в спальню.

Для неё всегда было важнее рисование. Всегда.

Даже Ника и та была на втором месте после этих чёртовых красок.

Я сжал виски руками. Мысли разбегались, как тараканы.

Работа не шла. Я смотрел в документы и не видел ни строчки. В голове крутилось одно: «Не похожа. Не похожа. Не похожа».

В пять часов я сдался. Бросил бумаги в ящик стола, накинул пальто и вышел. Леночка что-то спросила про завтрашние встречи, я отмахнулся.

В машине завёлся, поехал, сам не зная куда. Оказалось к дому. Я припарковался напротив подъезда и долго сидел, глядя на окна третьего этажа. Там горел свет. Там Марина, наверное, готовила ужин, а Ника рисовала за столом.

Мне захотелось подняться, войти, обнять их обоих и забыть про всё, что наговорил отец. Но ноги не шли. Что-то держало.

Телефон зажужжал. Отец.

— Ты где? Мы ждём. Разговор есть.

— Еду, — ответил я коротко и нажал отбой.

Домой я так и не зашёл.

Родительский дом встретил меня запахом пирогов и стерильной чистотой. Мать носилась по кухне, накрывая на стол, отец сидел в своём кабинете с газетой. С виду идиллия.

— Даня, сыночек! — мать чмокнула меня в щёку. — Проходи, проголодался, наверное? Я тут пирог с капустой испекла, ты же любишь.

— Спасибо, мам, — я присел к столу, но кусок в горло

не лез.

— Что такой хмурый? — спросила мать, вглядываясь в моё лицо. — На работе проблемы?

— Всё нормально, — отрезал я.

Из кабинета вышел отец, кивнул мне и сел во главе стола.

— Ешь давай, — сказал он. — А после поговорим.

Я жевал пирог, не чувствуя вкуса, и ждал. Мать суежилась вокруг, подкладывала еду, рассказывала про соседей и про то, какие у Риты теперь серьги — «ах, какие красивые, Данечка, ты бы видел!». Я кивал, не слушая.

Наконец убрали посуду. Мать засобиралась на кухню, но отец остановил её:

— Оставайся. Тоже касается.

Мы перешли в кабинет. Отец закрыл дверь, сел в своё кресло, указал мне на стул напротив.

— Дело есть, сын, — начал он без предисловий. — Серьёзное дело.

— Какое? — я насторожился.

Отец помолчал, пожевал губами, потом полез в ящик стола и достал конверт. Обычный такой, белый, запечатанный.

— Что это? — спросил я, хотя сердце уже ушло в пятки. Почему-то ушло. Предчувствие.

— Тест ДНК, — спокойно ответил отец. — Твой и Вероники.

Я вскочил.

— Что? Зачем? Ты... ты как это сделал?

— Сделал, — отец даже бровью не повёл. — Волосы с ваших расчёсок, слюна с зубных щёток. Знакомый в лаборатории помог. Всё по-честному.

— Ты не имел права! — заорал я. — Это моя дочь! Моя семья!

— А я тебе и говорю — твоя ли? — отец повысил голос впервые за вечер. — Ты что, слепой? Она на тебя ни капли не похожа! Мы с матерью сколько раз говорили — чужая она, чую я. А ты всё уши затыкал.

— Марина не такая! — крикнул я.

— А ты открой конверт и проверь, — тихо сказала мать из угла. Она стояла там всё это время, молчала, но смотрела на меня с какой-то странной жалостью. — Мы тебе добра желаем, Даня. Только добра.

Я смотрел на конверт. Белый, безобидный, но в нём — вся моя жизнь. Вся правда.

— Если она... если там... — начал я и не смог закончить.

— Если там подтвердится, что Вероника твоя, будешь жить дальше, — спокойно сказал отец. — А если нет, сам понимаешь.

Я взял конверт дрожащими руками. Бумага была тёплая, будто хранила в себе огонь.

— Не смотри здесь, — остановил отец. — Посмотри дома. Подумай. Реши, как будешь разговаривать с женой. Не руби сгоряча.

— Угу, — выдавил я.

Конверт лёг во внутренний карман пиджака и прожёл дыру до самого сердца.

Домой я ехал медленно, вцепившись в руль так, что костяшки побелели. В голове было пусто. Только одна мысль билась, как птица о стекло: «Открыть или не открыть?»

У подъезда в машине я достал конверт.

Долго смотрел на него.

Потом резко разорвал.

Бумаги внутри было несколько. Я пробежал глазами по строчкам, ничего не понимая. Цифры, проценты, термины.

И в самом низу, жирным шрифтом: «Исключение отцовства — 98,9%».

Я перечитал раз. Два. Три.

Цифры не менялись.

В ушах зашумело. Мир покачнулся. Я схватился за руль, чтобы не заорать на весь двор.

Она врала. Всё это время. Восемь лет.

— Сука, — выдохнул я. — Сука...

Внутри поднималась чёрная, тяжёлая, всепоглощающая волна из ярости и боли.

Как она могла? Как посмела?

Я ворвался в квартиру

Всё, что было дальше, я помню как в тумане.

Как швырнул эти чёртовы бумаги на стол. Как она читала и не понимала. Как пыталась обнять меня, а я отшвырнул её к стене. Как плакала Ника, прибежавшая на крик. Как я

орал, что она тварь и лгунья, что восемь лет кормил чужого ребёнка, что она охотилась за деньгами.

Как она смотрела на меня огромными глазами и шептала: «Но у меня никого не было... Ты же знаешь... Ты первый и единственный...»

Я не верил. Не мог верить. Бумага есть бумага.

— А сейчас, чтобы духу вашего здесь не было. Убирайтесь, — орал я.

— Даня, пожалуйста, — она плакала, стоя на коленях посреди кухни, прижимая к себе ревущую Нику. — Не выгоняй нас. Куда мы пойдём? Ночь на дворе!

— Мне плевать! — заорал я. — Вокзал, родственники, скамейка в парке мне всё равно! Чтобы я вас больше не видел!

И ушёл в спальню, хлопнув дверью.

Лёг на кровать, уставился в потолок. Слышал, как она собирается, как плачет Ника, как хлопает входная дверь.

Уехали.

Я остался один.

И только утром, когда продрал глаза после короткого, тяжёлого сна, понял, что натворил.

Марина с Никой исчезли, а я остался с этой бумажкой и противным голосом где-то глубоко внутри, который шептал: «А что, если ты ошибся?»

Я затыкал этот голос. Затыкал, как мог.

Бумага не врет.

ГЛАВА 6. ТЁТЯ КЛАВА

Я плохо помнила, как мы добрались.

Обрывки фонарей, мокрый асфальт, Ника тяжелеет на руках с каждой минутой, пятилетнего ребенка долго не пронесёшь, а я несла. Несла, потому что если бы я остановилась, то упала бы и больше не встала.

Ноги гудели. Куртка промокла насквозь. Волосы облепили лицо мокрыми прядями, и я то и дело сдувала их с губ, чтобы дышать. Ника спала, уткнувшись носом мне в шею, и её тёплое дыхание согревало — единственное, что ещё согревало в этом продрогшем мире.

Тётя Клава провела нас в дом.

— Сюда, сюда! Господи, да вы ж промокли совсем! А ну давай бегом!

Она подхватила спящую Нику с моих рук с ловкостью, которой я от неё не ожидала. Девочка даже не проснулась только вздохнула во сне и крепче прижалась к незнакомой груди.

— Иди за мной, не отставай, — скомандовала тётя Клава и зашагала по дорожке к дому.

Я поплелась следом, едва переставляя ноги.

Дом оказался старым, деревянным, с резными наличниками и покосившимся крыльцом. Такие дома я помнила из детства, у бабушки в деревне был точно такой же. Пахло здесь тоже по-деревенски: сыростью, мокрой листвой и ещё

чем-то знакомым, забытым.

— Заходи, заходи, не стой на пороге, — тётя Клава уже возилась в сених, стаскивая с Ники мокрые ботинки. — Раздевайся давай, всё мокрое снимай. Сейчас чай поставлю, согреетесь.

Я вошла в дом и остановилась, оглядываясь.

Маленькая прихожая, заваленная старой одеждой и какими-то коробками. Дальше кухня, где пахло нафталином, травами и ещё чем-то горьковатым, лекарственным. Старый холодильник, стол, покрытый клеёнкой в цветочек, этажерка с книгами. В углу иконы с тёмными ликами и теплящаяся лампадка.

— Проходи на кухню, грейся, — тётя Клава уже ушла в комнату с Никой на руках. — Я девчонку пока уложу.

Я осталась одна.

Стояла посреди кухни, мокрая, продрогшая, и смотрела, как пар поднимается от моей одежды. Руки тряслись то ли от холода, то ли от шока. Я сунула их в карманы, чтобы не видеть этой дрожи.

Через несколько минут тётя Клава вернулась.

— Уложила, — сказала она, вытирая руки о фартук, повязанный поверх халата. — Спит как сурок, даже не проснулась, пока я её переодевала. Нашла ей пижамку, старую, но чистую. Мои внуки уже выросли, а вещи остались. Нормально?

— Да, — выдавила я. — Спасибо вам огромное. Я даже

не знаю, как благодарить...

— Да ладно, — отмахнулась тётя Клава. — Свои люди. Ты раздевайся давай, чего стоишь столбом? Вон вся дрожишь. Снимай куртку, сапоги, проходи к столу. Чайник уже закипает.

Я послушно стянула мокрую куртку, повесила на гвоздь у двери. Сапоги, тоже мокрые насквозь, оставила у порога. В носках прошлепала к столу, села на табуретку и только тогда поняла, как сильно устала. Тело налилось свинцом, глаза слипались, но внутри было пусто и холодно.

Тётя Клава поставила передо мной большую кружку с крепким чаем, до черноты заваренным, с мятой и ещё чем-то. Рядом положила кусок пирога.

— Пей. Ешь. Завтра разговаривать будем, — сказала она строго. — А сейчас молча греемся и не думаем ни о чём.

Я послушно отхлебнула. Чай обжёг рот, но я даже не почувствовала. Сделала ещё глоток. Потом ещё.

Тётя Клава села напротив, подперев щеку рукой, и смотрела на меня. Молча. Внимательно. Так, будто сканировала.

Я молчала и пила чай. Говорить не было сил.

— Хорошая у тебя девчонка, — наконец сказала тётя Клава. — Красивая. В тебя пошла, светленькая.

Я вздрогнула.

— Вот именно поэтому, — вырвалось у меня горько. — Из-за этого...

Тётя Клава подняла бровь, но ничего не спросила только

пододвинула ко мне сахарницу.

— Завтра, — повторила она. — Всё завтра. А сейчас допивай и спать. Вон комната свободная, там диван старый, но чистый. Бельё постелю.

— Спасибо, — прошептала я.

И вдруг разревелась.

Слёзы хлынули сами, я не могла их остановить. Я сидела за столом, вцепившись в кружку, и ревела в голос, как маленькая. Всё, что копилось эти часы — ужас, боль, обида, страх — всё выплеснулось наружу.

Тётя Клава не суежилась. Не говорила «ну-ну, всё будет хорошо». Она просто встала, подошла, обняла меня за плечи и прижала к себе. От неё пахло нафталином, пирогами и чем-то родным, бабушкиным.

Я уткнулась носом в её халат и выплакивала всё, что накипело за эту бесконечную ночь.

— Ну чего ты, чего, — приговаривала она тихо. — Поплачь, поплачь. Легче станет.

Я плакала долго. Пока не кончились слёзы. Пока не отпустило.

Потом тётя Клава отвела меня в маленькую комнатку с продавленным диваном, застеленным чистым бельём. Рядом, на детской раскладушке, спала Ника, укрытая старым байковым одеялом.

— Спи, — шепнула тётя Клава. — Утро вечера мудренее. И вышла.

Я легла на диван, прислушиваясь к дыханию дочери, и провалилась в сон — тяжёлый, без сновидений, похожий на обморок.

Утром меня разбудил запах блинов.

Я открыла глаза и долго не могла понять, где нахожусь. Потолок низкий, деревянный, с балкой посередине. Окно маленькое, занавешенное ситцевыми занавесками. На подоконнике герань в горшке.

Потом память включилась — резко, больно, как пощёчина.

Даня. Конверт. Крик. Ночь. Дождь.

Я села на диване, прижимая одеяло к груди. Рядом на раскладушке Ника спала, свернувшись калачиком, и во сне улыбалась. Ей снилось что-то хорошее. Спасибо, хоть ей.

Из кухни доносилось шипение сковородки и голос тёти Клавы — она что-то напевала себе под нос.

Я встала, накинула халат (чей? тёти Клавин? висел на гвоздике у двери) и вышла на кухню.

Тётя Клава стояла у плиты и ловко переворачивала блины. На столе уже дымились большая кружка чая, стояла тарелка с вареньем и горка румяных блинов.

— Проснулась? — обернулась она. — Садись, завтракать будем. Девчонку будить пока не надо, пусть спит. Набегалась вчера.

Я села за стол, взяла блин, но кусок в горло не лез.

— Тётя Клава, — начала я. — Я должна объяснить...

ГЛАВА 7. Временное пристанище

— Ничего ты не должна, — перебила она, садясь напротив. — Я вчера всё поняла. Дело житейское.

— Какое житейское? — усмехнулась я горько. — Муж выгнал среди ночи с ребёнком. Это житейское?

Тётя Клава вздохнула, помешала ложечкой чай.

— Мариночка, я жизнь прожила. Всякое видала. И мужья уходили, и жёны уходили, и дети чужими оказывались, и свои не своими. Всё бывает. Ты главное скажи: бил он тебя?

— Нет, — покачала головой. — Не бил. Он вообще никогда... Он не такой. Просто... он поверил.

— Кому поверил?

— Родителям. Они тест ДНК подделали, я уверена. Свекровь меня всегда ненавидела, а свёкор с самого начала против нашего брака был. Они хотели, чтобы Даня на другой женился, на Рите. А я... я им всю жизнь испортила.

Тётя Клава слушала молча, только кивала.

— А тест этот... ты видела?

— Видела. Там написано «исключение отцовства — 98,9%».

— И что думаешь?

Я посмотрела ей прямо в глаза.

— Я знаю одно: у меня никого, кроме Дани, не было. Ни до него, ни после. Он первый. Он единственный. Ника — его

дочь. Я в этом уверена.

Тётя Клава смотрела на меня долго, изучающе. Потом кивнула.

— Верю, — сказала просто. — Не знаю почему, но верю. Глаза у тебя чистые. Врут с такими глазами редко.

Я выдохнула. Сама не заметила, как задержала дыхание в ожидании приговора.

— Спасибо, — прошептала я.

— Да не за что, — отмахнулась тётя Клава. — Ты ешь давай, а то остынет. А после поговорим, как дальше жить будем.

Я взяла блин, макнула в варенье, заставила себя проглотить. Вкус был непривычный — домашний, тёплый, из детства. От него защипало в носу.

— Тётя Клава, я не знаю, сколько мы тут пробудем, — начала я осторожно. — Я деньги отдам, как только смогу. Я работу найду, я...

— Ты погоди, — остановила она. — Давай сразу договоримся. Деньги мне твои не нужны. Пенсия у меня маленькая, это правда, но на хлеб с маслом хватает. А ты не гостья, ты родня. Поживёте пока. Но...

Она замолчала, и я поняла сейчас будет «но».

— Но долго не продержишься, сама понимаешь, — договорила тётя Клава. — Комната маленькая, тесно. Да и я не молодая уже, шум мне ни к чему. Это я не со зла, ты не думай. Просто по-честному.

— Я понимаю, — кивнула я. — Это временно. Я что-нибудь придумаю.

— Вот и хорошо, — тётя Клава встала, снова взялась за блины. — А пока живите. Нику в сад устроим, я тут заведующую детским садом знаю, она мне по старой дружбе не откажет. Ты пока отдохнёшь, в себя придёшь. А там видно будет.

Я слушала её и чувствовала, как внутри разливается тепло. Простая женщина, чужая почти, а приняла как родную. И не требует объяснений, не осуждает, не учит жить. Просто делает, что может.

— Спасибо, — сказала я снова. И это было так мало по сравнению с тем, что она для меня делала.

— Да будет тебе, — отмахнулась тётя Клава. — Лучше скажи, чем занимаешься-то? Работаешь где?

— Я художница, — ответила я и вдруг испугалась. Сейчас начнётся: «ах, художница, это ж не работа, это баловство».

Но тётя Клава только кивнула.

— Хорошее дело. Моя сестра, царствие ей небесное, тоже рисовала. Вышивала ещё. Красиво так, душа радовалась. Покажешь потом, что рисуешь?

— Покажу, — пообещала я.

И вдруг вспомнила. Папка с эскизами! Я же взяла её в тот вечер, сунула в рюкзак на автомате. А где рюкзак?

Я вскочила, заметалась по кухне.

— Ты чего? — удивилась тётя Клава.

— Рюкзак! Мой рюкзак! Я его вчера...

— В прихожей, — спокойно сказала тётя Клава. — Висит на гвозде. Я твои вещи разобрала, мокрое сушить разложила. Рюкзак цел, внутри всё сухое.

Я выдохнула, села обратно.

— Там мои эскизы, — объяснила я. — И письмо из галереи. Я отправила свои работы в областной центр, на выставку. И мне ответили.

— Ответили? — тётя Клава оживилась. — И что?

— Ещё не знаю, — призналась я. — Я не успела прочитать. Вечером пришло сообщение, а потом... потом этот кошмар начался.

— Так читай! — тётя Клава всплеснула руками. — Чего сидишь?

Я вскочила, побежала в прихожую, дрожащими руками достала телефон из кармана рюкзака. Телефон был жив, даже заряда хватало.

Я открыла сообщение от Павла.

«Марина, здравствуйте! Ваши работы произвели впечатление. Есть разговор, наберите меня завтра с утра, если удобно».

— Ну? — тётя Клава стояла в дверях, с любопытством глядя на меня.

— Просят позвонить, — сказала я. — Хотят поговорить.

— Так звони!

— Рано ещё, — я глянула на часы. — Полвосьмого только.

В галерее, наверное, с десяти работают.

— Ну так позвонишь в десять, — тётя Клава кивнула. — А пока ешь давай, остынет всё.

Я послушно вернулась за стол, но есть уже не могла. Внутрь всё дрожало от смеси страха и надежды. А вдруг? Вдруг там, в большом городе, мои «мазни» кому-то нужны? Вдруг это шанс?

— О чём задумалась? — спросила тётя Клава, присаживаясь рядом.

— Думаю, что делать дальше, — честно ответила я. — Денег у меня почти нет. То, что было, я вчера забрала, но это копейки. Надолго не хватит. Работу надо искать.

— Работу найдёшь, — уверенно сказала тётя Клава. — Ты молодая, красивая, с головой дружишь. Не пропадёшь. А Нику я в сад устрою, говорю же. Ты главное не паникуй.

— Не паникую, — соврала я.

Тётя Клава посмотрела на меня с усмешкой, но промолчала.

— Ладно, — сказала она, вставая. — Пойду Нику будить, а то проспит весь день. А ты пока подумай, что этому галеристу скажешь.

Она вышла, а я осталась сидеть, глядя в одну точку.

Что я скажу галеристу? Что я никто? Что меня выгнал муж? Что я живу у дальней родственницы, в комнате, пахнущей нафталином, и не знаю, что будет завтра?

Или что я художница, которая хочет рисовать? Которая

готова работать сутками, лишь бы её заметили? Которая ничего не боится, потому что бояться уже нечего?

Я выбрала второе.

В конце концов, терять мне действительно было нечего. Кроме Ники. А Ника — это не потерять, это сберечь. Ради неё я горы сверну.

Из комнаты донёсся Никин голос:

— А где мама? Ма-а-ам!

— Иду, солнышко! — отозвалась я и пошла к дочери.

В дверях обернулась, посмотрела на кухню, на старый стол, на герань на подоконнике, на тётки Клавины фартук, висящий на гвозде.

Временное пристанище, но пока единственное.

ГЛАВА 8. ЗВОНОК

После завтрака Ника занялась рыжим котом тетя Клавы. Тот ластился к Веронике и мурчал, как паровоз. Дочь пыталась его утащить в комнату, но рыжий хитрец сопротивлялся. Я довольно наблюдала за их возней, это отвлекло мою малышку от последних событий и мыслей о папе.

Я сидела на кухне тётки Клавы, сжимая в руках телефон, и смотрела на часы. Без пяти десять. Стрелки ползли черепашьям шагом, а сердце колотилось где-то в горле.

— Да позвони ты уже, — не выдержала тётя Клава, которая в третий раз за утро наливала мне чай. — Чего мучаешься?

— Рано ещё, — в десятый раз повторила я. — Сказано же с утра. Может, они с десяти работают.

— Так уже без пяти, — резонно заметила тётя Клава. — Пока наберёшь, пока соединят...

Я глубоко вздохнула и нажала вызов.

Гудки. Длинные, тягучие. Я зачем-то задержала дыхание.

— Галерея «Арт-Пространство», Павел слушает, — раздалось в трубке.

— Павел, здравствуйте, — мой голос дрогнул, и я откашлялась. — Это Марина... Марина Соболева. Вы мне писали...

— Марина! — голос Павла стал тёплым, почти радостным. — Как хорошо, что вы позвонили! Я как раз собирался

вам набирать. Вы где сейчас? В городе?

— Я... — я запнулась. Сказать правду? Что я ночую у дальней родственницы, потому что муж выгнал? — Я недалеко. А что?

— Понимаете, у меня отличные новости, — Павел говорил быстро, с энтузиазмом, от которого у меня закружилась голова. — Ваши работы, те три, что вы присылали, их посмотрел один человек. Спонсор, крупный благотворитель. Он в полном восторге!

— В восторге? — эхом повторила я.

— Да! Он хочет их купить. Все три. И не только купить он хочет познакомиться с вами и обсудить новый проект. Ему нужны картины для детского центра, который он строит за городом. Представляете?

Я представила и у меня перехватило дыхание.

— Купить? — переспросила я. — Прямо сейчас?

— Как только вы будете готовы. Но есть нюанс, — Павел понизил голос. — Он хочет посмотреть ваши другие работы. Что у вас есть? Можете сбросить мне фото? Я ему покажу, и если всё сложится, он готов подписать договор. Оплата сразу после продажи. Перечислением на карту.

— У меня есть, — затараторила я. — Много есть. Дома, в мастерской. Я могу... я сегодня же...

— Отлично! — обрадовался Павел. — Скидывайте мне на почту, я жду. И ещё, Марина... я очень рад, что вы нашли. Удачи вам!

— Спасибо, — выдохнула я. — Огромное спасибо.

Я нажала отбой и уставилась на тётю Клаву. Та смотрела на меня с нетерпением.

— Ну? — не выдержала она. — Говори!

— Мои картины хотят купить, — сказала я, и голос сорвался. — Все три. И ещё заказать новые.

Тётя Клава всплеснула руками.

— Господи! Да это же чудо! Мариночка, поздравляю!

Я сидела и не могла поверить. Мои «мазни», как называла их свекровь, — кому-то нужны. Их хотят купить. За них готовы платить.

— Мне нужно домой, — сказала я, вскакивая. — Забрать остальные работы, сфотографировать, отправить. Ника...

— Нику оставляй, — решительно сказала тётя Клава. — Со мной побудет. Я за ней пригляжу. А ты езжай, дело важное.

— А если она меня искать будет, а меня нет? — засомневалась я.

— Все будет хорошо, — усмехнулась та. — Езжай, кому говорю. Автобусы тут ходят, через полчаса будет. Успеешь туда-обратно до обеда.

Я метнулась в комнату, где спала Ника, поцеловала её в тёплую щёчку. Девочка вздохнула во сне и перевернулась на другой бок.

— Я быстро, — шепнула я. — Очень быстро.

Через десять минут я уже тряслась в стареньком автобусе,

глядя в окно на проплывающие мимо улицы. Город просыпался, открывались магазины, спешили по делам прохожие. Обычное утро обычного дня. Только моя жизнь разделилась на «до» и «после», и обратной дороги не было.

Выходя из автобуса, я вдруг подумала: “А что, если Даня дома? Что я скажу? Как посмотрю ему в глаза?”

Но отступать было нельзя. Картины нужны. Это мой шанс. Единственный.

Я вошла в подъезд, поднялась на третий этаж. Сердце колотилось так, что, казалось, соседи слышат. Ключи , слава богу, я не выкинула их из рюкзака в той суматохе дрожали в руках.

Я открыла дверь и вошла.

Тишина.

Квартира пахла пустотой и ещё чем-то неуловимо чужим. В прихожей так валялись мои старые тапки, которые я оставила тут вчера. Дани не было дома. Хорошо, никто не будет мешать. Не будет укоризненных взглядов и ложных обвинений. Вещи потом, сначала картины. Я прошла в свою мастерскую и замерла на пороге.

Всё было на своих местах. Мольберт, краски, кисти, этюды на стенах. И моих десятки работ больших и маленьких, законченных и ещё сырых. Моя жизнь. Моё сердце. Моя душа.

Я подошла к полкам, начала лихорадочно перебирать, откладывая лучшие. Вот этот пейзаж. Вот тот натюрморт. Вот

портрет Ники, который я дописывала в то утро, когда всё было хорошо. Вот набросок Дани в профиль.

Слёзы навернулись на глаза. Я смахнула их, приказала себе не раскисать.

Телефон щёлкал, фиксируя каждую работу. Я старалась выбрать ракурс получше, поймать свет. Павел должен увидеть лучшее. Мои работы должны понравиться покупателю, от этого сейчас много зависело.

Я так увлеклась, что не услышала, как открылась входная дверь.

— Что ты здесь делаешь?

Голос вонзился в спину, как нож. Я обернулась. Вот кого я точно не ожидала увидеть.

Глава 9 Картины

В дверях мастерской стояла Ольга Ивановна.

Свекровь была при полном параде – пальто, шляпка, туфли на каблуках. На лице брезгливое удивление, смешанное с хорошо знакомой мне ненавистью.

— Я вас не звала, — сказала я, выпрямляясь. — Как вы вошли?

— У меня есть ключи, — отрезала она. — От квартиры моего сына. А вот т

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.